

СТРАНЫ
ЮЖНЫХ
МОРЕЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СТРАНЫ ЮЖНЫХ МОРЕЙ

(История, экономика,
этнография, география)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

ЭТНОГРАФИЯ

В. Р. Кабо

ТАСМАНИЙЦЫ: СТРУКТУРА ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Тасманийское общество — одно из очень немногих, сохранивших к началу европейской колонизации стадию развития, соответствующую позднему палеолиту. Это же относится, быть может, еще только к некоторым этническим группам австралийцев. Изучение их исключительно важно для науки, для истории первобытного общества, для сравнительно-исторического исследования. От людей, живших в эпоху палеолита, дошли лишь остатки матеральной культуры — безмолвные свидетельства давно ушедшей жизни, поэтому такую ценность приобретают наблюдения над живым, функционирующим обществом, находящимся на том же уровне развития. Только непосредственные наблюдения способствуют пониманию жизни людей эпохи палеолита, позволяют научно реконструировать ее, в чем и состоит одна из главных задач истории первобытного общества. Чрезвычайная архаичность тасманийского общества — вне сомнений. Тасманийцы не деградировали с какой-то более высокой ступени развития. Социальные отношения и культуру глубочайшей древности они донесли до XIX в. лишь потому, что на протяжении тысячелетий жили почти в полной изоляции. Репрезентативность тасманийцев как подлинного осколка первобытного человечества доказывается не только общим характером их культуры и длительной изоляцией, но также и тем, что они отделались от аборигенов Австралии в один из ранних периодов истории последних, когда те целиком находились на позднепалеолитической стадии развития. Это положение, высказанное мною в 1975 г.¹, подтверждается теперь и абсолютной хронологией. В одной из пещер на островах Хантер, расположенных между Тасманией и Австралией, обнаружено археологическое местонахождение, древность которого по радиоуглероду — 22 тыс. лет². Несмотря на своеобразие исторических и географических условий, в которых протекало развитие тасманийцев, социально-экономические отношения, свойственные тасманийскому обществу, позволяют сконструировать модель, которая, будучи наложена на материалы археологии, дает возможность увидеть эти материалы в правильной перспективе.

В основе модели лежит структура особого рода — не вообще

социальная структура, предмет большинства исследований первобытного общества, а структура общественного производства, являющаяся фундаментом, на котором строится жизнь любого первобытного охотничье-собирающего общества.

Как известно, общество тасманийских аборигенов к концу XIX в. было разрушено колонизацией, но сохранилось большое количество опубликованных материалов, освещающих его быт. В центре общественной жизни находилась община — основная социальная и экономическая ячейка тасманийского общества. Община — ведущий производственный коллектив — была поэтому и основной структурной единицей этого общества. Она состояла из нескольких индивидуальных семей, в собственности ее находилась определенная территория — источник средств существования. Главные признаки тасманийской общины — относительная стабильность, территориальность, т. е. экономическая связь с определенной территорией, общинная экзогамия. Первые два признака присущи любой охотничье-собирающей общине.

Тасманийская община является реконструкцией в значительно большей мере, чем остальные элементы структуры тасманийского общества, о которых пойдет речь ниже, но реконструкция общины основана на анализе многочисленных литературных источников. Их авторы не пользуются термином «община» — наука того времени еще не распространила это понятие на общество охотников и собирателей, — но часто в их работах за словом «племя» скрывается именно община.

Другими социально-экономическими общностями, данные о которых мы находим в сообщениях современников-европейцев, являются хозяйственная группа, целевая группа и временное объединение общин. Эти термины также предложены нами, а соответствующие общности свойственны и современным охотникам и собирателям, в том числе, например, австралийцам. Хозяйственная группа — часть общины, состоящая из нескольких семей, входящих в данную общину, но не всех, а лишь некоторых. В процессе экономического освоения территории в определенное время года, когда вести охотничье-собирающее хозяйство целой общиной становится трудно или просто невозможно, община распадается на хозяйственные группы (экономически самостоятельные, динамичные, непостоянные по составу и численности), а иногда и на отдельные семьи. Когда условия добывания пищи меняются, община вновь воссоединяется в прежнем составе. Совокупность хозяйственных групп — это сама община в действительности, в процессе освоения территории, это форма активной адаптации общины к окружающей среде и требованиям хозяйственной деятельности.

Колебания численности хозяйственных групп и характер их движения по территории обусловлены тем, что людей, входящих в подобные группы, объединяют хозяйственные интересы, а способы хозяйствования на этом уровне развития находятся в теснейшей зависимости от природных условий, в свою очередь подверженных периодическим изменениям. Цикличность этих колебаний и пере-

движений закономерно связана с хозяйством — охотой, собирательством, морским промыслом, а также с изменениями, происходящими в природе: увеличением и сокращением продовольственных ресурсов, сменой сезонов и растительных сообществ, популяционными циклами и миграциями животных и т. д. Размеры хозяйственных групп зависят и от постоянных факторов природной среды обитания. В более благоприятных условиях группы больше, в менее благоприятных — меньше. Хозяйственная группа — яркое проявление пластичности первобытной общины, ее приспособленности к меняющейся обстановке. Европейцы чаще всего наблюдали именно хозяйственные группы, ибо наличие подобных групп — одна из характернейших черт охотничье-собирательского общества.

Целевая группа образуется, как правило, в соответствии с естественным половозрастным разделением труда для выполнения определенной хозяйственной или общественной задачи, например группа мужчин-охотников или женщин-собирательниц, иногда мужчин — воинов или участников обрядового действия. Целевая группа может включать всех мужчин хозяйственной группы, которые сообща охотятся на крупную дичь, или всех ее женщин, нередко с детьми, которые совместно собирают растительную пищу, моллюсков, охотятся на небольших животных. Но иногда мужчины и женщины добывают пищу совместно, особенно если семья ведет экономически самостоятельное существование.

Имеются сообщения и о крупных временных объединениях общин одного племени, а иногда и соседних племен, которые концентрировались обычно в определенных местах и в определенное время года для хозяйственных или общественных мероприятий, требующих большого количества участников, — облавных охот, обрядов и т. п. Такие группы наблюдались и в местах, где в определенное время года было изобилие мясной или растительной пищи, например у тюленых лежбищ.

«Маленькими группами, — писал в 1773 г. о тасманийцах капитан Т. Фюрно, — переходят они с места на место в поисках пищи. Мы никогда не встречали более трех или четырех хижин в одном месте, и в каждой могло поместиться не более трех или четырех человек»³. В 1793 г. Ж. Лабиллардьер, участник экспедиции Р. д'Антраксто, встретил группу аборигенов, состоявшую из 10 мужчин, 14 женщин и 24 детей. В стойбище горело 7 костров, и вокруг каждого сидела небольшая семья. В среднем семьи насчитывали по 7 человек. На других страницах своих записок Лабиллардьер рассказывает о группе из 42 человек (7 мужчин, 8 женщин и 27 детей), о группе из 19 аборигенов, сидевших вокруг 3 костров (каждая семья состояла в среднем из 6 человек), и группе из 8 человек, сидевших вокруг одного костра. Встречал он группы, состоящие из 6 и 4 человек, — вероятно, тоже семьи⁴. В 1802 г. Ф. Перон и Л. Фрейсине встречались с отдельными семьями из 3, 6 и 9 человек — каждая сидела вокруг одного костра у ветрового заслона — и с группой, в которую входило 25—

30 аборигенов. Ранние авторы рассказывают также о том, что встретили группу, состоящую из 20 женщин, которые возвращались к своим семьям с ловли моллюсков⁵. Можно предположить, что вся община, с мужчинами и детьми, состояла примерно из 60—80 человек. Р. Кнопвуд в 1804 г. сообщает о группе, в которую входило приблизительно 20 семей⁶, следовательно, около 120 человек (если считать, что средняя численность тасманийской семьи — 6 человек). Группа, обитавшая на побережье залива Маккуори, насчитывала около 30 человек⁷. В 1816 г. Дж. Келли видел около 50 аборигенов на острове Роббинс у северо-западного побережья Тасмании⁸. В 1824 г. группа из 64 человек посетила Хобарт, а в следующем году в город пришла группа из 50 аборигенов. В 1820-х годах примерно 50 тасманийцев неоднократно прибывали на остров Бруни, расположенный к югу от Тасмании⁹.

Большой интерес представляют сведения о сезонных и локальных колебаниях численности групп. По словам Дж. Уэста, группы тасманийцев обычно состояли из 40—50 человек¹⁰. По данным Б. Хайэтт, средняя годовая численность групп — 20 человек¹¹. Те группы, которые не оточевывали в летнее время в глубь острова, образовывали в этот период более крупные объединения, тяготевшие к побережью, где они занимались добычей моллюсков и охотой на тюленей. Так, группы, включавшие от 60 до 70 человек, проводили лето и осень на восточном побережье Тасмании: в районе залива Ойстер и города Хобарт. Зимой и весной групп на побережье было меньше, чем летом и осенью, и их размеры сравнительно невелики.

Исследователи наблюдали и более многочисленные временные объединения — в 200—600 человек, обычно для облавной охоты на кенгуру¹². «В их стойбищах редко бывало больше 30 или 40 человек, — пишет о тасманийцах Дж. Уокер. — Но в определенное время года собирались большие охотничьи партии, в которых объединялись семьи одного или нескольких племен, чтобы окружить и загнать дичь»¹³.

Тасманийцы собирались большими группами и в тех местах, где в изобилии водились тюлени. Группы в 200—300 человек сходились в районе Джордж-Рокс во время массового забоя этих зверей¹⁴. Концентрация групп в местах, где в определенное время года имеется в избытке мясная или растительная пища, — обычное явление и для соседней Австралии. Оно обусловлено и экономическими и социальными факторами.

Что же представляли собою рассмотренные выше группы тасманийцев? За исключением особых случаев (коллективной загонной охоты, концентрации аборигенов в местах, изобилующих пищей, и т. п.), обычно они насчитывали от 20 до 50 человек. Колебания численности были связаны главным образом с сезонными циклами и другими изменениями, происходящими в природе, увеличением или сокращением продовольственных ресурсов, направлением хозяйственной деятельности в определенное время

года и в определенном месте — например, морским промыслом летом и осенью и охотой в глубине материка зимой и весной.

Как и в Австралии, численность групп в Тасмании определялась различными факторами: функцией групп (совместным и регулярным добыванием мясной и растительной пищи, облавной охотой, массовым забоем тюленей, военными действиями); характером взаимоотношений между составляющими группу семьями (родственными и дружественными, формальными и неформальными); традицией; абсолютной и относительной численностью населения; местными природными условиями и сменой времен года — иными словами, состоянием продовольственных ресурсов, которыми обычно лимитируются размеры групп, совместно добывающих пищу.

Рассмотренные выше группы в большинстве своем состояли из нескольких семей, и в зависимости от перечисленных факторов, в первую очередь от времени года, размеры их то увеличивались, то сокращались, иногда до одной семьи, которая вела самостоятельное существование. По своим функциям, по месту в структуре общественного производства такие общности являлись хозяйственными группами. На них и распространяется данная выше обобщающая характеристика хозяйственной группы как одного из основных типов социально-экономических объединений тасманийского и других охотничье-собирательских обществ.

Тасманийские хозяйственные группы затем по половозрастному признаку делились на коллективы, выполнявшие в составе указанных групп определенные хозяйственные или общественные функции. Такие общности мы называем целевыми группами. Типичной целевой группой является, например, группа из 20 женщин, возвращавшихся с ловли моллюсков, рассказ о которой мы находим в сообщениях Ф. Перона и Л. Фрейсине. Если хозяйственные группы насчитывали, как правило, от 20 до 50 человек, то обычной численностью целевых групп было 10, 20 человек, и более, в зависимости от размера хозяйственной группы. Иногда, впрочем, мужчины охотились небольшими коллективами, от 3 до 6 человек или даже в одиночку.

Наконец, среди рассмотренных общностей мы видим и временные объединения общин одного племени, а порою и соседних племен, группы примерно от 200 до 600 человек.

Все, кто писал о социальной организации тасманийцев, говорили о племенах, но слово это понимали по-разному, вкладывая в него различное, порою весьма неопределенное содержание. По Дж. Робинсону, который был знаком с общественным строем тасманийцев лучше, чем кто-либо иной из его современников, племя — это большая группа людей, более или менее стабильная по своему составу, имеющая особое наименование. Другие авторы называли племенем группу, связанную с определенной территорией, обитающую и добывающую пищу преимущественно в ее границах. Поэтому они говорили о племени Песчаного мыса, племени Порт-Дейви и т. д. Сами тасманийцы всегда знали, на чьей

территории, в «чьей стране» они находились — связь группы людей с определенной территорией, собственность на нее имели для них большое значение. Опираясь на данные Дж. Робинсона, Н. Пломли нанес на карту Тасмании 46 групп, которые он вслед за Робинсоном и другими авторами называет племенами. Сам Пломли полагает, что его список включает менее половины всех племен¹⁵, Р. Джонс считает, что число таких групп должно быть увеличено по крайней мере до 70¹⁶.

Но чем в действительности являются все те общности, которые Робинсон, а вслед за ним Пломли и Джонс называют племенами? По словам Дж. Робинсона, тасманские «племена» были экзогамны, браки заключались только между представителями соседних «племен». Такая характеристика едва ли может относиться к племенам. Исследования жизни других охотничьих народов показывают, что экзогамия свойственна общинам, из которых состоит племя, а сами племена преимущественно эндогамны. Хотя какой-то процент браков заключается и за пределами племени, но он не очень велик. Так, в Австралии браки за пределами племени составляют в среднем лишь 15%¹⁷. Примерно таков же процент экзогамных браков и в племенах у многих других народов. Следовательно, те общности, которые Дж. Робинсон наделяет признаком экзогамии, были скорее всего не племенами, а общинами.

Наиболее достоверная численность аборигенов Тасмании к началу европейской колонизации — 6—8 тыс. человек¹⁸. Если взять максимальную цифру — 8 тыс., то на одно «племя», если их было 46, приходится примерно 174 человека, а если их было 70, то 114 человек. Для среднего охотничье-собираательского племени, развивающегося в нормальных условиях, обе цифры необычно малы (хотя крайне редко бывают и такие племена). Последнее обстоятельство также говорит в пользу моего предположения о том, что эти группы были общинами, а не племенами.

Дж. Робинсон и другие европейцы не раз встречали на западном берегу Тасмании группы долговременных хижин, каждая из которых вмещала обычно от 6 до 15 человек, а по некоторым, возможно преувеличенным, сведениям — до 30 человек. Исходя из количества хижин в поселении, Робинсон иногда пытался установить численность его обитателей. Например, он считает, что одно из «племен» состояло примерно из 40 человек, так как в поселении было четыре хижины, а по его наблюдениям, в хижине проживало в среднем 10 человек¹⁹. Ветровые заслоны, характерные для Восточной Тасмании, по словам Дж. Уэста, образовывали поселения, насчитывающие от 17 до 40 шалашей. «В первом случае в племени могло быть около 70 человек, так как под одним заслоном укрывалось от четырех до пяти человек», — пишет Уэст²⁰, следовательно, во втором — около 160 человек.

Стабильные поселения (особенно это относится к Западной Тасмании, где они состояли из долговременных хижин) скорее всего были поселениями общин, а не временными стойбищами

хозяйственных групп. Об этом свидетельствуют и размеры поселений в Восточной Тасмании, в которых обитало больше людей, чем в обычной хозяйственной группе, но меньше, чем насчитывали временные объединения общин.

«Каждая большая раковинная куча, которую мне приходилось видеть на северо-западном побережье между Маунт-Камерон — Уэст и рекой Артур, имела одинаковые, хорошо очерченные, круглые в плане углубления на поверхности, — пишет археолог Р. Джонс. — Я думаю, что эти углубления предназначались для хижины или по крайней мере для укрытий от ветра»²¹. В двух местах Р. Джонс насчитал по 5 углублений, в третьем — 7. Это были следы долговременных стоянок каких-то групп, каждая из которых насчитывала, вероятно, от 30 до 50 человек. Все они располагались на берегах лагун, изобилующих рыбой и моллюсками, или вблизи тюленых лежбищ. Огромные размеры раковинных куч и стратиграфия ясно указывают на то, что люди обитали здесь длительное время. Это были поселения общин или стойбища хозяйственных групп, регулярно, из года в год, возвращавшихся на то же самое место. Таким образом, те общности, которые Робинсон и другие авторы называют «племенами», насчитывали от 30 до 160 человек и включали, если исходить из того, что тасманийская семья состояла в среднем из 6 человек, примерно от 5 до 26 семей. Поэтому нет никаких оснований называть такие группы «племенами».

В действительности это были общины, а иногда составляющие их хозяйственные группы, которые занимались поисками пищи на общинной или племенной территории. Общину и хозяйственную группу легко отождествить, потому что та и другая объединяют несколько семей и иногда полностью совпадают по своему составу. Однако в отличие от хозяйственной группы община — относительно постоянная, стабильная социальная общность. Но в зависимости от местных природных условий, времени года, наличия или отсутствия продовольственных ресурсов и других факторов она то кочует в полном составе, то распадается на хозяйственные группы, численность которых периодически меняется. Экономическая связь с определенной территорией, точнее — собственность на землю, на которой община преимущественно добывает пищу (с согласия соседних общин она может, если необходимо, добывать пищу и на их землях), название и самоназвание, экзогамия — это признаки не временных хозяйственных групп, а общностей, более стабильных по составу и численности, по положению в социальной структуре. Все указанные признаки, кроме экзогамии, могут быть отнесены и к племени, но экзогамия характеризует именно общину.

У тасманийцев, как и у всех других охотников и собирателей, община была главным звеном общественного производства, а вследствие этого и основным собственником на землю. Земля находилась в коллективной собственности всей общины.

Робинсон и другие авторы прошлого века, как отмечалось вы-

ше, не различали племя и общину, и некоторые признаки, которые мы считаем общинными, могут быть распространены и на племена. Прежде всего это относится к связи группы с определенной территорией, что для племени не менее важно, чем для общины, а поэтому границы племени были выражены так же ясно, как границы общин. Территориальность — одна из основ социально-экономической структуры тасманийского и других охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ. И общины и племена рассматривали свои земли как неотъемлемую коллективную собственность, причем над собственностью общины, составляющих племя, как бы возвышалась собственность всего племени как суперструктуры. Земля действительно была их собственностью в самом прямом значении этого слова, собственностью, имеющей экономический характер. Ведь на этой земле обитали животные и произрастали растения, которые служили людям пищей, в недрах ее находилось минеральное сырье, из которого они изготовляли орудия труда. По словам Дж. Уэста, тасманийцы держались за свои охотничьи угодья так же крепко, как поселенцы за свои фермы. У тасманийцев не было частной собственности на землю, пишет он, но границы общинных и племенных земель были хорошо известны, и самовольное нарушение этих границ рассматривалось собственниками земли как объявление войны²². Аборигены Тасмании, отмечает О'Коннор, «выражают недовольство, если обнаруживают, что... поселенцы охотятся на их территории»²³. Г. Мелвилл утверждает, что каждое тасманийское племя имело свою территорию с четко очерченными границами²⁴. Отношение тасманийцев к земле, охарактеризованное этими авторами, по-видимому, может быть одинаково применимо и к племенам и к общинам. То же самое мы находим у охотников и собирателей в других частях света. Отношения собственности на землю в охотничье-собираТЕЛЬСКОМ обществе имеют перархический характер — верховным собственником земли является племя, а в пределах племенной территории отдельные участки принадлежат общинам, составляющим племя. Но главная собственница земли — община, потому что экономическое освоение земли осуществляется прежде всего и главным образом на ее уровне.

Коллективная собственность на землю — важнейшая, ведущая форма собственности в первобытном обществе. Первобытное охотничье-собираТЕЛЬСКОЕ общество основывается на общинной собственности на землю как главном условии и средстве производства, источнике необходимых для общества материальных ресурсов. Это не значит, что собственность на землю абсолютна, исключительна, что общины полностью лишены возможности добывать средства существования на землях соседей. В соответствии с исторически сложившимися традициями с разрешения собственников территории они могут это делать. У австралийцев во время засухи община может на протяжении многих месяцев находить убежище на земле соседей, иногда общины попеременно предоставляют свои земли с их ресурсами друг другу (форма

распределенного во времени обмена ресурсами). У тасманийцев при наличии дружественных отношений и предварительной договоренности представители одного племени могли проходить через территорию другого, охотиться на ней, заниматься сбором моллюсков, добывать охру и камень для орудий. Все это было санкционировано обычаем, а такой обычай — выражение права собственности.

Если в тасманийском и других охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществах община, как сказано выше, была и остается основным субъектом собственности на землю, то земля — главный объект их собственности, основа их существования. В то время как земля, животные и растения, места добычи камня и охры находились в коллективной собственности, орудия, оружие и другие предметы индивидуального пользования составляли личную собственность тасманийца.

Отношение первобытного общества к земле имеет два аспекта — объективно-экономический и субъективно-идеологический. Первый выражается в собственности общины и племени на определенную территорию — источник средств их существования — и в экономическом освоении этой территории общиной и хозяйственными группами. Второй аспект представляет собою отражение экономического отношения к земле в идеологической, религиозно-обрядовой форме. В обществе аборигенов Австралии субъективно-идеологическое отношение к земле — это связь локализованного рода с тотемическими святилищами, находящимися на земле общины. О существовании родовой организации у тасманийцев источники умалчивают. Утверждать, что она уже возникла, как делает Г. Фельгер²⁵, нет достаточных оснований. Имеются, однако, указания на возможность существования у тасманийцев тотемических представлений, иными словами, идеологического, или символического, отношения членов общины к земле. Привязанность тасманийцев к своей земле могла иметь, как и у аборигенов Австралии, форму представления о тотемических или духовных центрах, расположенных на земле общины, откуда происходят ее люди и куда они возвращаются после смерти.

У австралийцев земля, на которой расположены тотемические святилища, экономически осваивается общиной в целом, а не только членами рода. У охотников и собирателей, имеющих родовую организацию, все члены общины, независимо от того, к какому роду они принадлежат, обладают равными правами на природные богатства общинной земли. Различия в правах на продукты охоты и собирательства, существующие внутри общины, определяются принадлежностью не к роду, а к тем или иным половым и возрастным группам, из которых состоит община.

Земля, на которой община преимущественно добывает пищу и сырье для орудий, находится в собственности данной общины, ибо иной формы реализации права собственности в экономическом смысле первобытное общество не знает. На этой, одной из самых ранних стадий формирования собственности как экономи-

ческого отношения еще отсутствует частная собственность, отсутствует возможность отчуждать землю, принадлежащую всему коллективу. Основа собственности здесь — вложенный труд. Субъективно-идеологическое отношение рода или общины к земле не является собственностью в экономическом значении этого слова.

Источники почти не дают ясных или недвусмысленных указаний на характер распределения у тасманийцев. По-видимому, то, что человек добывал личным трудом, принадлежало ему и его семье. Животное, убитое охотником в одиночку, принадлежало ему одному. Однако часть своей добычи охотник отдавал родителям невесты или жены, а часть поступала иногда в распоряжение главаря и других членов общины. Если в охоте принимало участие несколько человек, добыча, вероятно, делилась между ними, но источники не содержат указаний на то, как делилась добыча в этом случае. Продукты женского собирательства распределялись внутри семьи.

Распадение общин на отдельные семьи и объединение общин имело, как отмечалось выше, эпизодический характер. То же относится и к целевым группам. Типичными, постоянными объединениями, созданными тасманийским и другими обществами охотников и собирателей для экономического освоения территории, были и остаются община и хозяйственная группа, совокупности нескольких семей, совместно добывающих пищу, число которых функционально связано с экологическими условиями, не слишком велико и не слишком мало, т. е. является оптимальным для охотничье-собирательского хозяйства в нормальных для данной географической зоны и для данного времени года условиях. Иначе говоря, при прочих равных демографических условиях (приросте населения, плотности его и т. п.) величина общины и хозяйственной группы является как бы функцией естественно-географической среды.

Сообщения о сезонных и локальных колебаниях размеров групп относятся не к общинам или племенам, сравнительно стабильным социальным общностям, численность которых меняется медленно, от поколения к поколению, в соответствии с демографическими факторами, а к хозяйственным группам и временным объединениям общин. Исследователи наблюдали различия и в степени оседлости, а соответственно и в плотности населения на единицу экономически осваиваемой площади. Так, хозяйство аборигенов приморских областей Тасмании было ориентировано преимущественно на морской промысел, который в большей мере, чем охота, способствует концентрации населения и оседлости. На западном побережье острова, где население вело полуседлый образ жизни, общины были крупнее, чем в других районах, а плотность населения на единицу экономически осваиваемой территории — выше. Напротив, охотничье хозяйство в условиях кочевого образа жизни требует большей площади и связано с низкой плотностью населения.

Простейшей единицей общественной структуры у тасманийцев,

как и у других охотников и собирателей в эпоху, доступную непосредственному этнографическому наблюдению и изучению, была семья. Семьи концентрировались вокруг очагов, поэтому огонь можно считать символом семьи в обществе охотников и собирателей, а это важно для интерпретации очагов на поселениях эпохи палеолита, изучаемых археологией. Все европейцы, которым довелось встречаться с тасманийцами, пишут об очагах, вокруг которых располагались семьи тасманийцев для еды и на ночлег. «Каждое туземное племя делится на несколько семей, и каждая семья помещается у разведенного ею огня», «каждая семья зажигает отдельный костер», «каждая семья имеет свой огонь», — читаем мы в многочисленных сообщениях авторов, непосредственно наблюдавших жизнь тасманийцев²⁶. Семья и огонь проходят неразрывно через страницы книг, посвященных тасманийцам.

Тасманийская семья выступала порою как самостоятельная хозяйственная ячейка, как минимальная хозяйственная группа в неблагоприятных экологических условиях. Периодическая, временная хозяйственная самостоятельность семьи характерна для охотников и собирателей и других частей света. Подобно тому как экономические функции общины основаны на внутриобщинном, прежде всего половозрастном разделении труда, хозяйственная жизнь семьи основана на внутрисемейном разделении труда.

Семья у тасманийцев включала родителей и не состоящих в браке детей, которых сначала семья, а затем община и племя готовили к вступлению в общественную жизнь. Иногда в состав семьи входили отдельные ближайшие родственники — старые родители, неженатые братья мужа или жены. Такая семья характерна и для многих других охотничье-собирательских обществ. Община у тасманийцев была экзогамной, браки в большинстве случаев вирилокальными — жена обычно переходила в общину мужа. Вирилокальность — ведущая форма локальности брака у охотников и собирателей. Это, по-видимому, в большей степени отвечает условиям, в которых живут охотники и собиратели: охотник с детства должен в совершенстве знать местность, миграции животных и другие условия охоты на земле его общины. Но иногда наблюдалась временная (до- или послебрачная) ускорилочность — поселение мужа в общине жены. Жених или муж обязан был обеспечивать родителей невесты или жены как бы в порядке выкупа, компенсации за потерю женщины — добытчицы средств пропитания. У австралийцев этот обычай отсутствовал там, где брак был основан на обмене женами и где группа, теряя одну женщину, приобретала другую. Обычай обмена женами между удаленными друг от друга общинами существовал и в Тасмании. Временная или постоянная ускорилочность преследовала ту же цель: в случае отдаленного расположения общины она помогала охотнику выполнить свой долг по отношению к родичам жены.

Возрастная структура семьи в обществе аборигенов Тасмании и Австралии, на одном из самых ранних известных этнографий

уровней развития семьи, в основном одинакова: и там и здесь жены были значительно моложе мужей²⁷.

Имеются некоторые сведения о полигинии — многоженстве — у тасманийцев. Как и у австралийцев, она была обусловлена образом жизни бродячих охотников и собирателей, когда на плечи женщины ложилась забота по обеспечению семьи пищей и воспитанию детей. В этих условиях и вся семья, и сами женщины, особенно в период беременности и кормления ребенка, жизненно заинтересованы в том, чтобы в семье появилась помощница в лице молодой жены. Многоженство — не пережиток группового брака, как часто думают, а институт, рожденный самими условиями охотничье-собирательского быта. Охарактеризованный здесь тип семьи отвечал условиям жизни общества в эпоху позднего палеолита и мезолита.

О положении тасманийских женщин пишут многие очевидцы²⁸. Но даже если оно и не было столь приниженным и рабским, как это казалось европейцам, не понимавшим, что перед ними — традиционное разделение труда, все же ясно, что тасманийское общество было совершенно чуждо матриархату, который нередко постулируется для ранних стадий общественного развития.

Если семья была элементарной клеткой тасманийского общества, то на другом полюсе социальной структуры находилось племя — постоянное объединение нескольких общин, говорящих на одном языке. В Тасмании существовало, по-видимому, не более десяти племен, каждое насчитывало в среднем 600—800 человек²⁹. Подобно общине, племя было связано с определенной территорией, но оно представляло собой сравнительно рыхлую, аморфную общность, не выступавшую обычно как единое целое, вследствие чего экономические функции его были ограничены. Основной социально-экономической ячейкой общества, как уже указывалось, оставалась община. Экономически племя как единое целое выступало лишь в качестве собственника племенной территории, да еще эпизодически — в периоды общеплеменных сборищ, когда устраивались коллективные охоты. Постоянное экономическое освоение племенной территории осуществлялось входящими в племя общинами и хозяйственными группами. Подлинным социально-политическим и экономическим единством у тасманийцев была община, а не племя.

Общины иногда возглавляли выдающиеся охотники и воины — люди, обладавшие организаторскими и иными талантами, в расцвете сил и способностей. Власть их была ограниченной и не имела наследственного характера. Время от времени военные руководители вставали и во главе целых племен — это бывало в периоды межплеменных войн, в годы войны с колонизаторами. Но в мирное время тасманийское общество не знало племенных вождей.

Единая в организационно-структурном отношении система общественного производства по-разному преломлялась в различных географических районах Тасмании. Местные условия требовали

различного направления хозяйственной деятельности, а вместе с тем и различной материально-культурной адаптации. Жители Восточной Тасмании кочевали в пределах обширных племенных территорий, на которых располагались временные стоянки общин и хозяйственных групп. Это давало им возможность вести сбалансированное хозяйство, опирающееся на сезонные стойбища то у моря, то в глубине острова. Аборигены Западной Тасмании вели полуоседлый образ жизни, ориентированный преимущественно на морской промысел; их племенные территории были вытянуты вдоль побережья, неблагоприятные географические условия лишали их возможности вести хозяйство в глубине хинтерланда. С этими различиями в образе жизни и хозяйственной деятельности были связаны различия в хозяйственном инвентаре и типе жилищ. На Востоке строились примитивные ветровые заслоны, на Западе — большие, прочные хижины.

Если такие различия существовали в формах хозяйственно-культурной адаптации даже в пределах одной Тасмании, то на обширных пространствах земного шара, населенных охотниками и собирателями, они были (и остаются) еще более значительными. При этом структура общественного производства оставалась и остается в основе своей единой, ибо благодаря гибкости и приспособляемости она, не меняясь по существу, позволяла и позволяет обществам охотников и собирателей жить в самых различных условиях.

Очерченные нами принципы социально-экономической структуры тасманийского общества очень важны для понимания первобытного общества, его экономики, структуры общественного производства, так как они характеризуют один из ранних этапов истории этого общества. Предложенная в статье модель в своих основных чертах отражает ту первичную, универсальную социально-экономическую структуру, которая была характерна и для обществ глубочайшей древности. В этом теоретическое и практическое значение данной модели.

¹ В. Р. Кабо. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.

² S. Bowdler. The Coastal Colonisation of Australia.—Sunda and Sahul. Prehistoric Studies in Southeast Asia, Melanesia and Australia. L., 1977, c. 215.

³ Цит. по: H. Ling Roth. The Aborigines of Tasmania. Halifax, 1899, c. 104.

⁴ J. J. H. Labillardière. Voyage in Search of La Pèrouse. L., 1800, c. 127, 134, 303, 308—309.

⁵ F. A. Péron. A Voyage of Discovery to the Southern Hemisphere. L., 1809, c. 195—196.

⁶ Friendly Mission: The Tasmanian Journals and Papers of G. A. Robinson. 1829—1834. Hobart, 1966, c. 18.

⁷ H. Ling Roth. The Aborigines..., c. 167.

⁸ K. M. Bowden. Captain James Kelly of Hobart Town. Melbourne, 1964, c. 30.

⁹ Friendly Mission..., c. 49, 100.

¹⁰ J. West. History of Tasmania. Launceston. 1852, vol. 2, c. 72.

¹¹ B. Hiatt. The Food Quest and the Economy of the Tasmanian Aborigines.—"Oceania". Vol. 38, 1967—1968, № 2—3.

¹² H. Ling Roth. *The Aborigines...*, c. 164, 166—171; *Friendly Mission...*, c. 834; J. B. Walker. *Some Notes on the Tribal Divisions of the Aborigines of Tasmania.*—*Papers and Proceedings of the Royal Society of Tasmania for 1897.* 1898, c. 177—178.

¹³ J. B. Walker. *Early Tasmania.* Hobart, 1902, c. 264—265.

¹⁴ B. Hiatt. *The Food Quest and the Economy...*, c. 199.

¹⁵ *Friendly Mission...*, c. 970—976.

¹⁶ R. Jones. *The Demography of Hunters and Farmers in Tasmania.—Aboriginal Man and Environment in Australia.* Canberra, 1971.

¹⁷ N. B. Tindale. *Tribal and Intertribal Marriage among the Australian Aborigines.*—*«Human Biology»*. Vol. 25, 1953, № 3, c. 169—190.

¹⁸ В. Р. Кабо. Тасманийцы и тасманийская проблема, с. 11.

¹⁹ *Friendly Mission...*, c. 168—170.

²⁰ См.: H. Ling Roth. *The Aborigines...*, c. 109.

²¹ R. Jones. *The Demography...*, c. 278.

²² J. West. *History of Tasmania.* 1852, vol. 2, c. 20.

²³ Г. Ф. Хрустов. К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе.—*«Советская этнография»*. 1959, № 6.

²⁴ H. Melville. *Australasia and Prison Discipline.* L., 1851.

²⁵ G. Völger. *Die Tasmanier.* Wiesbaden, 1972.

²⁶ J. Backhouse. *Narrative of a Visit to the Australian Colonies.* L., 1843, c. 104; G. T. Lloyd. *Thirty-three Years in Tasmania and Victoria.* L., 1862, c. 137; J. West. *History of Tasmania.* 1852, vol. 2, c. 82.

²⁷ J. Bonwick. *Daily Life and Origin of the Tasmanians.* L., 1870, c. 85.

²⁸ J. J. H. Labillardière. *Voyage in Search...*, c. 59, 61; H. Ling Roth. *The Aborigines...*, c. 34, 44, 112—115.

²⁹ В. Р. Кабо. Тасманийцы и тасманийская проблема, с. 142—143, 172.